

А. В. Успенская

ТУРГЕНЕВ И ФЕТ: К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ»

Прототипам тургеневских героев посвящена довольно обширная литература — достаточно вспомнить работы А. И. Батюто, Л. М. Лотман, Г. Б. Курляндской, Н. П. Генераловой, Г. Н. Антоновой и др.¹ Интерес исследователей понятен — И. С. Тургенев, по известному его признанию, никогда не мог творить «из головы»; для создания персонажей ему всегда была нужна «встреча с живым человеком, непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом».² Неудивительно, что в его творчестве конца 1850-х—начала 1860-х годов отразились дружеские взаимоотношения с таким ярким и неординарным человеком, каким был Афанасий Фет.

Фет был в эти годы одним из самых близких друзей Тургенева. Обоих объединяли и литературные и жизненные интересы: Тургенев способствовал возвращению Фета в литературу в 1853 году, ввел его в кружок «Современника», отредактировал сборник стихов 1856 года, выверил по латинскому оригиналу фетовский полный перевод од Горация. Наконец, родительское имение Фета — Новоселки — было недалеко от Спасского, писатели гостили друг у друга и вместе охотились.

При этом дружба не была безоблачной, часто возникали жаркие споры. Один из них произошел во Франции, в Куртавнеле, в доме супругов Виардо, куда Фет приехал погостить на несколько дней к Тургене-

¹ См., например: *Батюто А. И.* К вопросу о замысле «Отцов и детей» // И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 77—95; *Манн Ю. Базаров и другие* // Новый мир. 1968. № 10. С. 236—255; *Антонова Г. Н.* «Дворянское гнездо»: О реальных истоках образа Михалевича // *Т сб.* Вып. 5. С. 228—234; *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1977. С. 25—49; *Курляндская Г. Б.* Тургенев и Фет // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 46—62; *Генералова Н. П.* А. А. Фет и И. С. Тургенев: Незавершенный спор // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. тр. Курск, 1994. С. 23—43 и т. д.

² *Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургенеve // *Т в восп.* Т. 2. С. 143.

неву. Как убедительно доказала Н. П. Генералова, этот спор отразился в романе «Дворянское гнездо»: мечтатель и романтик Михалевич называет Лаврецкого «байбаком», обвиняет его в лени, нравственной дряблости, забвении дворянского долга, убеждает его, что дворянину есть чем заняться в России. Возможно, в этом же убеждал Тургенев и Фет с присущими ему страстью и энтузиазмом.³ Вероятно, Тургенев встречал эти рассуждения с известной иронией: он был столбовым дворянином, помещиком, а Фет — почти бездомным скитальцем, не имевшим ни земли, ни крестьян, ни даже потомственного дворянства, и к его мечтам о работе на земле Тургенев относился снисходительно.

Итак, если в «Дворянском гнезде» мысль о долге дворянства перед народом связана с Михалевичем-Фетом, то в романе «Отцы и дети» деревенская тема также многими деталями обязана постоянному общению Тургенева и Фета. Но в «Отцах и детях» отразился другой Фет, уже не просто парадоксалист и спорщик, оторванный от жизни. Черты Фета, детали его биографии воплотились в образе Николая Петровича Кирсанова, в котором соседствуют романтик — и фермер, поэтическая натура — и трезвый практик.

В отношении прототипов в «Отцах и детях» больше всего повезло, разумеется, Базарову — они, в основном, выявлены. Что касается братьев Кирсановых, то исследователи, как правило, удовлетворяются известными указаниями самого Тургенева. В письме к Фету от 6 (18) апреля 1862 года он пишет о Павле Петровиче: «...я в нем просто хотел представить тип Стольпиных, Россетов и других русских ех-львов».⁴ В письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля того же года: «...Н<иколай> П<етрович> — это я, Огарев и тысячи других <...>».⁵ В опубликованных в 1984 году П. Уоддингтоном подготовительных материалах к роману Тургенев в качестве прототипов Николая Петровича называет нескольких людей «кротких, мягких, мечтательных», например, поэта и переводчика Н. П. Грекова, а также приятеля Л. Толстого — М. А. Рябинина, «милейшего седовласого юношу».⁶ Но никто из них не был связан с землей, не был фермером, как не был фермером и сам Тургенев. Зато к лету 1860 году фермером стал Фет.

Деревенская тема, связанная с образом Николая Петровича, очень важна в романе: российская деревня, вступающая в полосу реформ, — это постоянный тревожный фон, на котором разворачиваются события. Но важна эта тема не только в романе, но и в судьбе самого Тургенева. Как бы иронично ни относился он к пламенным призывам Фета вспомнить о своем дворянском долге, сам он остро чувствовал разлуку с родиной. В 1856 году, через месяц после отъезда Фета из Куртавнеля, он пишет Л. Толстому: «Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда <...>. Весной я непременно вернусь в Россию, хотя вместе с отъездом отсю-

³ Генералова Н. П. Указ. соч. С. 24—26.

⁴ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 371.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 564—565, 721—722.

да — я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье <...>».⁷ Подобно своему герою Лаврецкому, Тургенев собирается в Россию «землю пахать» — устроиться в Спасском, наладить хозяйство, размежеваться с крестьянами, завести ферму и зажить если не счастливо, то спокойно, устроив маленький Золотой век в духе Горация. Об этом же мечтает и Фет, он пишет Тургеневу 18 (30) января 1858 года: «Вы милейший и драгоценный для меня поэт. <...> надеюсь на совершенное исцеление Ваше на родной почве».⁸ Может быть, именно на это письмо Тургенев отвечает Фету: «...я либо в начале, либо в конце мая, если только буду жив и здоров, буду в Спасском — и тогда-то, богу изволящу, начнется та жизнь, о которой мы так часто толковали и мечтали... если крестьянский вопрос не помешает».⁹

Возвращение Тургенева на родину затянулось. В Спасское он приехал только на лето 1858 года — и прекрасно провел его, охотясь с Толстым и Фетом. Но идея осесть в деревне, похоже, уже не так привлекает Тургенева. Во всяком случае, решение Толстого обосноваться в Ясной Поляне и заняться хозяйством Тургенев воспринимает болезненно, в каком-то смысле как измену литературе: «Он весь теперь погрузился в агрономию, таскает сам снопы на спине, влюбился в крестьянку — и слышать не хочет о литературе».¹⁰

К 1860 году, времени начала работы над романом, Тургенев почти постоянно живет за границей. Он все острее ощущает: «Нет счастья вне семьи — и вне родины; каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю...».¹¹ Им владеет «страстное, непреодолимое желание своего гнезда»,¹² но он понимает и полную невозможность осуществления своей мечты, и в этом ему видится какая-то грустная закономерность — не только он, дворянин, землевладелец, не способен работать на земле, но и все дворянство обречено уйти с исторической сцены.

Первое упоминание о романе «Отцы и дети» относится к августу 1860 года. Именно в это же время, 13 августа, Фет, так много говоривший о дворянском долге, от слов начинает переходить к делу. Он покупает Степановку, хутор в голой, безлесной степи и 200 десятин земли и становится фермером. Интересно, что воспринимает Фет свою новую жизнь одновременно и прозаически и возвышенно: скрупулезные подсчеты будущих доходов соседствуют с мечтами об уединенном сельском счастье в духе Горация: «...отдохнуть среди своих полей, где, как говорит Гораций, „Вокруг тебя с ревом пасутся коровы...”».¹³

⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 3. С. 54—55.

⁸ Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 201.

⁹ ПССиП(1). Письма. Т. 3. С. 198.

¹⁰ Там же. С. 234.

¹¹ Там же. С. 320. Письмо к М. А. Маркович от 10 (22) июля 1859 г.

¹² Там же. С. 385. Письмо к Е. Е. Ламберт от 12 (24) декабря 1859 г.

¹³ Фет А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство / Вступит. ст., составление и подготовка текста В. А. Кошелева. Комментар. В. А. Кошелева, С. В. Смирнова. М., 2001. С. 60.

О своих деревенских трудах он непрерывно пишет друзьям, прежде всего — Тургеневу и другу детства И. П. Борисову. Письма эти не сохранились, но мы можем довольно точно представить себе их содержание: позднее на их основе были написаны очерки «Записки о вольнонаемном труде» и «Из деревни». Подробно описывает Фет жизнь Степановки и в книге «Мои воспоминания». О фетовских новостях мы можем судить также по сохранившимся ответным письмам Тургенева и Борисова. Так, Борисов пишет Тургеневу 8 октября 1860 года: «Переписка у нас ведется почти ежедневная, и он описывает свою жизнь так ярко, что как будто видим всю его обычную суету. Тут все кувыркается — и стройка, и охота на вальдшнепов, и копанье прудов <...>, и вольнонаемные работники — народ хитростный, забирающий вперед денежки <...>». ¹⁴ В письме от 25 декабря 1861 года читаем: «...нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета: „Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство“. Ничего не выдуманно, все истинная правда. <...> Я был в восторге, слушая его. Вы же из его писем уже знаете, в каком оно духе. Скоро весь плач Иеремии прольется на страницы „Р<усского> в<естника>“». ¹⁵

Таким образом, на протяжении всей работы над романом Тургенев имел постоянный источник свежих деревенских новостей, а в конце мая 1861 года, когда работа над романом еще активно продолжалась, он и сам посетил Степановку — и все это нашло явственное отражение в романе.

На то, что Марьино — имение братьев Кирсановых — и фетовская Степановка имеют определенное сходство, уже обратил когда-то внимание А. И. Батюто. ¹⁶ Он, впрочем, не столько стремился выявить сходство «фермеров» Николая Кирсанова и Фета, сколько искал параллели между Базаровым и Л. Толстым. По мнению исследователя, даже дуэль Базарова и Павла Петровича возникла в романе под влиянием поездки Тургенева к Фету в Степановку (там произошла известная ссора Тургенева и Толстого, едва не кончившаяся дуэлью).

В статье А. И. Батюто отмечены несколько моментов сходства Степановки и Марьино: оба находятся среди плоской безлесной степи, оба выстроены на новом месте и видны издали, оба страдают от отсутствия тени, т. к. сад еще не вырос: «Когда Николай Петрович размежевался с своими крестьянами, ему пришлось отвести под новую усадьбу десятины четыре совершенно ровного и голого поля. Он построил дом, службы и ферму, разбил сад, выкопал пруд и два колодца; но молодые деревца плохо принимались, в пруде воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатого вкуса». ¹⁷ «Тени нет у вас, вот что горе», — замечает Аркадий. ¹⁸ Сходным образом описывает Тургенев и фетовскую

¹⁴ Т Сб. Вып. 3. С. 338.

¹⁵ Там же. С. 354.

¹⁶ Батюто А. И. Указ. соч. С. 84—87.

¹⁷ ПССыП(2). Соч. Т. 7. С. 21.

¹⁸ Там же. С. 13.

Степановку в письме к П. В. Анненкову от 7 (19) июня 1861 года: «Я видел Фета и даже был у него. Он приобрел себе за фабулозную сумму в 70 верстах отсюда 200 десятин голой, безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на 5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись...».¹⁹

Сходство Марьины и Степановки и шире — деятельности Фета и Николая Кирсанова — еще раз привлекли внимание исследователей. Н. С. Никитина в статье 1997 года «А. А. Фет и роман Тургенева „Отцы и дети“» пишет: «...тема Фета — его убеждения, деятельность, самый его образ — тема отнюдь не периферийная в „Отцах и детях“».²⁰ Однако статья А. И. Батюто почему-то выпала из поля зрения исследовательницы, и ей представляется, что и очевидные и глубинные аспекты этой темы в тургеневедении обойдены. Что касается доказательств, то они все-таки не вполне убеждают. Думается, вряд ли Марьино названо так по ассоциации с именем жены Фета — Марьи Петровны. Видимо, и имя Фенечки из «Отцов и детей», названной Базаровым Феклой, едва ли содержит прозрачный намек «на шиллеровскую Теклу».²¹

Между тем текст «Отцов и детей» и фетовские деревенские очерки (бывшие в целом известными Тургеневу по письмам и рассказам Фета) действительно имеют множество перекличек — и весьма знаменательных.

Даже сам внешний вид имения Кирсановых напоминает дом в Степановке: это новый деревянный дом с высокой железной крышей, недавно выкрашенной, только в Марьине — красной,²² а в Степановке — зеленой краской. Марьино видно издали, за четыре версты, а дом в Степановке «виднеется кругом на пять верст».²³

Есть и другие моменты сходства, еще не отмеченные исследователями. Фермерские хлопоты Николая Петровича, упомянутые в гл. V, VIII и особенно подробно описанные в гл. XXII, очень напоминают реальные деревенские мытарства Фета. В Марьине наемные рабочие трудятся неважно: «...настоящего старания всё еще нету. Сбрую портят»,²⁴ «скот плохой, и лошади разбитые», «работники смотрят отъявленными ленивцами».²⁵ И далее, в гл. XXII: в разгар страды рабочие «требовали расчета или прибавки, другие уходили, забравши задаток; лошади заболели; сбруя горела как на огне; работы исполнялись небрежно; выпитая из Москвы молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую с первого разу испортили <...>. Управляющий вдруг обленился и даже начал толстеть <...> почти каждую ночь сторожа ло-

¹⁹ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 255.

²⁰ Спасский вестник. 1997. Вып. 4. С. 87.

²¹ Там же. С. 91, 90.

²² ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 17.

²³ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 255.

²⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 13.

²⁵ Там же. С. 43.

вили, а иногда с бою забирали крестьянских лошадей на лугах „фермы”. <...> Не хватало рук для жатвы: соседний однодворец, с самым благообразным лицом, порядился доставить жнецов по два рубля с десятины и надул самым бессовестным образом; свои бабы заламывали цены неслыханные, а хлеб между тем осыпался, а тут с косьбой не совладели <...>».²⁶

По сути, все это — краткий конспект фетовских «Записок о вольнонаемном труде». Купив в июле 1860 года Степановку, Фет с головой бросился в хозяйственный омут. Но есть существенное различие между Николаем Петровичем, который от всех этих деревенских неурядиц «частенько вздыхал и задумывался»,²⁷ а то и просто приходил в отчаяние, — и Фетом, который прежде всего пытался понять — в чем причина неудач и трудностей. Один из главных выводов, сделанных Фетом: при вольнонаемном, а не крепостном труде во многих областях России в настоящее время заниматься земледелием невыгодно, т. к. рабочие руки дороги, а на хлеб цены невысоки, «руки не ищут работы».²⁸ Нужны машины, нужна иная культура труда.

В «Записках» Фет рассказывает, как рабочие в первый же день потребовали прибавки или расчета,²⁹ как работник Алексей сначала повредил глаз и его пришлось лечить, а затем отказался работать,³⁰ Иван не доработал срока и ушел, нарушив договор, хорошего работника Карпа снял до срока с работы его дядя, плутоватый Гаврила,³¹ Филипп оказался вором,³² Тит — ушел, взяв 15 рублей задатка, так что пришлось прибегнуть к помощи исправника.³³

Примечательно, что мысль обратиться к становому мелькает и у Николая Петровича, но поступить так ему не позволяют либеральные принципы. Фет же считает, что именно принципы либерализма и равенства всех перед законом заставляют его как нанимателя бороться за соблюдение этих законов. Без барского окрика и страха расправы многие ребятают небрежно, бросают лошадей нераспряженными в поле как, например, Андрон,³⁴ плохо кормят их, сбруя горит — т. е. не хотят и не умеют еще работать честно. «Долго еще неуклонному закону придется бдительно стоять на страже, пока русский человек не забудет своего наивного произвола и наследственной лжи», — делает вывод Фет.³⁵

²⁶ Там же. С. 130—131.

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 120. См. также С. 158—162.

²⁹ Там же. С. 65—66.

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ Там же. С. 75.

³² Там же. С. 104.

³³ Там же. С. 105.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 83.

У Николая Петровича управляющий — «либо дурак, либо плут», как аттестует его Базаров.³⁶ У Фета первый приказчик Глеб, «более похожий на седого сыча, чем на человека»,³⁷ оказался неспособен к делу и его пришлось заменить. Следующий был либо туп, либо мошенник, на все указания отвечал однообразно: «слушаю, батюшка».³⁸ Еще один — вроде бы старательный и неглупый молодой человек, чуть не оставил Фета без лошадей, т. к., несмотря на строжайший запрет, несколько дней продержал в общей конюшне большую лошадь.³⁹

Николай Петрович страдает от потрав. Фет подробно описывает, как его земли топчут свиньи, лошади, гуси. Объясняет он и причину. Потрава — не случайность или недосмотр, это — единственный для крестьянина способ содержать скотину, т. к. земли у крестьян мало, а скота довольно много.⁴⁰

У Николая Петровича болеют лошади. У Фета рыжий конь заболевает сапом и это не случайно: крестьяне к чужой собственности относятся безответственно — заставляют работать самого смиренного и послушного коня сверх всякой меры.⁴¹

И владелец Марьина, и Фет стремятся к прогрессивным методам в сельских работах, но это не всегда им удается. Так, Николай Петрович хочет удобрять поля «по Либиху». На взгляд же Базарова, к которому тот обращается за консультациями, это преждевременно: «...куда нам до Либиха! Сперва надо азбуке выучиться и потом уже взяться за книгу, а мы еще аза в глаза не видали»,⁴² — и, в сущности, у Тургенева получается, что он прав. Кирсанов не справляется пока и с более насущными задачами. Для Фета же это вопрос принципиальный. Понимая, что без удобрений земля, даже чернозем, неизбежно оскудеет, он вводит вместо обычной трехпольной — четырехпольную систему, заботится о навозе для полей.⁴³

Николай Петрович выписал молотилки, но первая оказалась слишком тяжелой, а вторая сразу же сломалась. У Фета в «Записках» есть целая глава — «Философия и история одной молотильной машины»: сначала оказывается, что молотилка тяжела для двух лошадей, затем она непрерывно ломается.⁴⁴ В главе 9 очерков «Из деревни» эта история продолжается — и Фет не только не побежден — он проявляет чудеса настойчивости и изобретательности, применяя вместо хрупких чугунных деталей легко заменяемые деревянные.

³⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 43.

³⁷ Фет А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 64.

³⁸ Там же. С. 81.

³⁹ Там же. С. 86—87.

⁴⁰ Там же. С. 68, 102—104, 106, 110—113.

⁴¹ Там же. С. 86—87.

⁴² ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 28.

⁴³ Фет А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 67.

⁴⁴ Там же. С. 107—110.

Конечно, было бы неверным утверждать, что единственным или главным прототипом Николая Петровича был Фет. Как известно, много в нем и от самого Тургенева. Так, в начале романа Аркадий спрашивает отца, доволен ли тот своими работниками. «Да, — процедил сквозь зубы Николай Петрович. — Подбивают их, вот что беда; ну, и настоящего старания всё еще нету. Сбрую портят. Пахали, впрочем, ничего. Перемельется — мука будет».⁴⁵ Последнюю фразу Тургенев повторял не раз, напишет он ее и в письме к Е. Е. Ламберт от 19 (13) мая 1861 года,⁴⁶ повторит ее позже и в письме Фету. Но в то же время соответствует ли эта отрывистая, решительная и сосредоточенная речь «сквозь зубы» характеру Николая Петровича, как его изначально понимал Тургенев? В «Подготовительных материалах к роману» о Николае Петровиче сказано: «...мягкий, черты маленькие, приятные, несколько грустные <...>. Ленив — а читает много. — Натура впечатлительно-созерцательная. Трусоват — но честен».⁴⁷ Тургеневу уже по первым известиям из Степановки становилось ясно, что тончайший лирик Фет становится жестким и решительным хозяином, и, быть может, под влиянием этого открытия он делает несколько более жестким и своего героя.

В романе «Отцы и дети» отразились и другие впечатления Тургенева от фетовской жизни в Степановке. Так, А. И. Батюто обратил внимание на упомянутого Фетом в мемуарах «вольного мужика Федота», жившего недалеко от Степановки, у которого берут лошадей на подставу — он трижды упомянут в романе Тургенева (гл. XIX, XXI, XXII).⁴⁸

Однако более интересными представляются другие случаи, когда одни и те же впечатления оцениваются Тургеневым и Фетом по-разному. Это, конечно, неудивительно. В начале реформы Тургенев видит в ней перспективное дело, которое «растет, ширится, движется во весь простор российской жизни», хотя и принимает «формы большей частью безобразные».⁴⁹ Некоторое время писателя не покидает уверенность в том, что «...дело все-таки пойдет, потому что если камень раз покатился с горы, то уже добежит до долины».⁵⁰ Но личный опыт общения с крестьянами являет, по большей части, картины темные и тяжелые. В конце концов, насмотревшись на реформы в деревне и, в частности, в Спасском, где дела шли «скрыпя и треща, как намазанная телега»,⁵¹ Тургенев окончательно отказывается участвовать во всем этом, распрощавшись заодно со многими иллюзиями по поводу народа: «Вообще, мое божество произвело на меня действие странное: я вижу, что теперь колесо покатилось благополучно вперед — но присутствовать при том, как оно будет то прыгать через камни, то тонуть в

⁴⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 13.

⁴⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 236.

⁴⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 564.

⁴⁸ Батюто А. И. Указ. соч. С. 93—94.

⁴⁹ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 269.

⁵⁰ Там же. С. 244.

⁵¹ Там же. Т. 5. С. 25.

грязи — не желаю; довольно с меня знать, что оно пошло». ⁵² Еще более определенно высказывается он в письме от 20 сентября (8 октября) 1862 года к А. И. Герцену: «...народ <...> носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самостоятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах». ⁵³

Фет же по-прежнему полон энтузиазма, и это совершенно разное отношение к происходящему явственно проступает в схожих эпизодах тургеневского романа и фетовских «Записок о вольнонаемном труде». В главе III «Отцов и детей» Николай Петрович видит вереницу телег, запряженных «разнузданными лошадьми», с крестьянами в тулупах нараспашку — они бойко катят в кабак. ⁵⁴ Фет в главе 4 «Записок» с удовольствием рисует совсем другую вереницу телег: они едут на барщину. «Нельзя себе представить более стройную картину сельского труда. Лошади у всех мужиков исправные, а у многих превосходной породы, от господских лошадей. <...> Кто не понимает наслаждения стройностью, в чем бы она ни проявлялась, в движениях хорошо выдержанного и обученного войска, в совокупных ли усилиях бурлаков, тянущих бечеву под рассчитанно-однообразные звуки „ивушки“, тот не поймет и значения Амфиона, создавшего Фивы звуками лиры». ⁵⁵ Фет прибавляет, что он не крепостник, не консерватор, но как не похвалить это стройное движение — было и в старых порядках что-то хорошее. «Это заведенный порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся условия. <...> каждому легко убедиться, что со вступлением России в новый период деятельности заветные слова *авось*, да *небось*, да *как-нибудь* должны совершенно выйти из употребления <...>». ⁵⁶ При вольном труде, считает Фет, порядок и стройность пока еще впереди.

Но новые порядки приносят не только неразбериху. Фет с восторгом описывает труд мужиков, копающих пруд, — они работают по-новому, сдельно — и проявляют чудеса трудолюбия. ⁵⁷ Как радуется Фет, когда «среди тупого непонимания и нежелания понимать» он встречает у копача Михайлы «самостоятельную усердную догадку». ⁵⁸ Ростки новой жизни в деревне — вот главное, и неважно, что пруд поначалу оказался сухим!

У Тургенева же эти «ростки» вызывают скептическую усмешку, и в этом, он, похоже, согласен с нигилистом Базаровым. Заговорив однаж-

⁵² Там же. С. 23. Письмо к М. А. Маркович от 10 (22) июля 1862 г.

⁵³ Там же. С. 52.

⁵⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 13.

⁵⁵ Фет А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 75—76.

⁵⁶ Там же. С. 76.

⁵⁷ Там же. С. 74.

⁵⁸ Там же. С. 96.

ды о прогрессе, отец Базарова «надеялся возбудить сочувствие своего сына». Базаров в ответ рассказывает, как крестьянские мальчишки, вместо какой-нибудь старой песни, горланят: «*Время верное приходит, сердца чувствует любовь...*» — т. е. поют городской романс, перевирая и коверкая слова, так как не понимают их смысла. «Вот тебе и прогресс», — иронически замечает Базаров.⁵⁹ У Фета в «Записках» целая глава (9) называется «Песня». Вспоминая «очаровательный рассказ Тургенева» («Певцы» из «Записок охотника»), Фет, однако, прибавляет, что никогда не встречал ничего подобного. Крестьянская песня часто срывается на вой или визг, и слушать ее безрадостно. Но вот деревенский парень запекает городской романс «Отгадай, моя родная, отчего я так грустна...». Он поет, не слишком понимая смысл, также перевирая слова, — но в этом полубессознательном стремлении к новой для крестьянина городской культуре и есть зачатки истинного прогресса. Потребность крестьян в новой культуре, в новых песнях «сделает им трубы, вычистит избу, даст человеческие постели, облагородит семейные отношения, облегчит горькую судьбу бабы <...> явятся новые потребности, явится и возможность удовлетворить их», — считает Фет.⁶⁰

Когда Тургенев начинал роман, он собирался показать несостоятельность дворянства как сословия. Братья Кирсановы — лучшие из дворян, но «если сливки плохи, что же молоко?».⁶¹ Базаров же — энергичен и деятелен, он с насмешкой наблюдает за тщетной суетой Николая Петровича и даже снисходительно дает ему агрономические советы: «Надо серебряных тополей побольше здесь сажать, да елок, да, пожалуй, липок, подбавивши чернозему».⁶² Но Тургенев обладал достаточной духовной свободой, чтобы уважать правду жизни и не подчинять ее жестким схемам. Его увлекла история Фета — поэта и мечтателя, ставшего фермером, решившего «хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное»,⁶³ — и он заставляет помещика, «старенького романтика» Николая Петровича тоже стать фермером, а дворянскую усадьбу Марьино делает похожей на Степановку и даже называет «фермой».

При этом в тексте видны некоторые несообразности. Только влиянием Степановки можно объяснить, почему Николай Петрович так странно и невыгодно размежевался с крестьянами — бросил старую усадьбу, где был счастлив с женой, где она сажала в саду цветы, где вырос Аркадий, то есть оставил эти земли крестьянам, — и выстроил новую в голой степи. И это произошло «три года назад», то есть в 1856 году, когда о грядущих реформах еще не было объявлено. Заметим, что сам Тургенев, считавший, что его уступки крестьянам часто чрезмер-

⁵⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 172.

⁶⁰ Фет А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 97—98.

⁶¹ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 380.

⁶² ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 41.

⁶³ Фет А. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 60.

ны, «доходят почти до подлости»,⁶⁴ при размежевании добился переселения части крестьян,⁶⁵ но ему, разумеется, не пришло в голову бросить Спасское и самому переселиться в голую степь.

На первых страницах романа рассказывается, что Николай Петрович после смерти жены собрался за границу, но грянул 1848 год и он поневоле вернулся в деревню, т. е. в старую усадьбу, затем три зимы жил в Петербурге вместе с Аркадием и только в последнюю не смог уехать из деревни, и то, вероятно, из-за Фенечки. Непонятно, когда же он строил новую усадьбу и занимался хозяйством. О Павле Петровиче говорится, что он еще при покойной жене брата соскучился в Марьино — так называлась старая усадьба, названная в честь здравствующей жены Николая Петровича, а с 1849 года, поселившись однажды в деревне, уже не покидал ее.⁶⁶ О переезде и строительстве опять ни слова. Наконец, Аркадий думает: «Сладко засыпать в родимом доме <...>»,⁶⁷ хотя новый дом ему вряд ли показался бы родным.

Итак, в истории дворянского гнезда Кирсановых отразилась история Степановки и ее обитателя — Фета. Очевидно, что на протяжении романа Тургенев относится к Николаю Петровичу и его деятельности иронично, как и к деятельности Фета, — он не верит ни в хозяйственные способности Фета, ни в преобразующую роль дворянства. Но Фет, вопреки ожиданиям друзей, оказался отличным хозяином — пруды наполнились, вырос сад, дом стал уютным, заработали молотилка и зерносушилка собственной конструкции, собирались отличные урожаи хлеба, появился конный завод. Верный жизненной правде, Тургенев отразил это в главе XXVIII романа: хозяйство Николая Петровича окрепло, ферма дает значительный доход, а сам он выбран мировым посредником (тут Тургенев как будто предугадал будущее Фета — тот прослужил десять лет мировым судьей). Однако об успехах Николая Петровича Тургенев пишет довольно насмешливо, и это понятно: успехи Фета в определенном смысле задевали самолюбие Тургенева, служили ему косвенным упреком. Крупный землевладелец, столбовой дворянин — тяготился своим долгом, не умел его выполнить, а Фет, к которому Тургенев относился несколько снисходительно, считая его «милым малым», «превосходным, забавным, по-своему весьма умным», в выполнении этого долга преуспел. История Фета, обретшего семейное гнездо в Степановке, возможно, служила Тургеневу мучительным напоминанием о том, что сам он навсегда распрощался с идеей тихого горацанского счастья на родине, в Спасском.

⁶⁴ ПССиП(1). Письма. Т. 4. С. 254—255.

⁶⁵ Там же. Т. 3. С. 357. Письмо к И. С. Аксакову от 22 октября (3 ноября) 1859 г.

⁶⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 33.

⁶⁷ Там же. С. 20.